

Е. В. Перевалова

**РОДОВЫЕ «КАНЦЕЛЯРИИ» САМОЕДСКИХ СТАРШИН
(из практики управления туземным населением
Северо-Западной Сибири в XIX в.)***

В собраниях сибирских музеев¹ представлены письменные документы, бытовавшие у не знавшего письменности туземного населения Северо-Западной Сибири. Особый интерес вызывают документы, адресованные конкретным лицам, в совокупности составляющие своеобразные семейно-родовые «канцелярии». Анализ набора официальных бумаг из подобных архивов позволяет не только раскрыть специфику властно-подданнических отношений между метрополией и периферией, но и обстоятельно охарактеризовать практики управления сибирскими народами.

В фондах Ямало-Ненецкого окружного музейно-выставочного комплекса им. И. С. Шемановского г. Салехарда (далее — ЯНО МВК) сохранились документы и вещи 1815–1866 гг., принадлежавшие роду самоедского (ненецкого) старшины Паевола (Пайгола) Нырмина (ЯНМ 5, 12, 75, 894, 895, 896, 898, 899/1, 4, 900, 9624, 9629, 13469, 14620, 14621, 14622/1, 2, 14623, 14661, 14664). В музей экспонаты поступили в 1946 г. от секретаря Тазовского РК ВКП(б) Сидорова. В заверенном печатью окружного исполкома акте приема-передачи отмечено, что приобретенные за 600 руб. документы иллюстрируют «ясачные отношения верхушки ненецкого населения к волостным и уездным властям Обского Севера». Бумаги (сохранилось шестнадцать документов из восемнадцати числившихся по акту приема²) находились в особом деревянном ящичке с выдвинутой крышкой (ЯНМ 75). Подобный

ящик-ларец с одиннадцатью документами 1854–1880 гг., принадлежавший самоедскому старшине Александру Худину (Тм кп 13426/1–11), представлен в фондах Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника (далее — ТГИАМЗ). По всей видимости, у туземных князцов и старшин существовала устойчивая традиция собирания и хранения выдаваемых российской администрацией на их имя документов.

Культурные смыслы, которыми наделяла документ государственная власть и сибирские туземцы, были различны: для метрополии и местных властных структур письменный документ являлся инструментом управления, а для туземной элиты он выступал особым атрибутом власти и в значительной степени воспринимался как определенный залог признания и сохранения ее властных полномочий, поскольку у не владевших русской грамотой и не имевших своей письменности инородцев любая «бумага», будь то указ, жалованная грамота, административное предписание или даже личная корреспонденция, обладала высоким статусом, окутывалась ореолом важности и значимости независимо от содержания.³

Салехардский и тобольский наборы документов из ларцов самоедских старшин характеризуют развитие отношений между метрополией и сибирской периферией в период развертывания реформ начала XIX в., принятых М. М. Сперанским. Представленные документы свидетельствуют о существовании отлаженной фискальной системы и о проведении отдельных акций, направленных на совершенствование технологии сбора налогов, указывают на наличие устоявшегося механизма регулирования отношений в рамках треугольника «метрополия — местная администрация — туземцы» и подтверждают наличие прямого диалога между высшими эшелонами власти и туземной элитой. Поддержание этого диалога, в том числе в письменном варианте, становится универсальным способом обес-

¹ Автор благодарит Ямало-Ненецкий окружной музейно-выставочный комплекс им. И. С. Шемановского и Тобольский государственный историко-архитектурный музей-заповедник за предоставленную возможность публикации архивных документов.

² Судя по акту, были утрачены «Уведомление о сбежавшем ссыльном, 1821 г.» и «Приказ о запрете контрабандной торговли водкой».

Перевалова Елена Валерьевна — к.и.н., заведующая сектором этноистории Института истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)
E-mail: elena_perevalova@mail.ru

* Работа выполнена по проекту «Диалог культур и этничность в контексте колонизации» в рамках программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России»

³ См.: Перевалова Е. В. «Белый царь» в угорско-самодийской традиции // Народнонаселение Сибири: стратегии и практики межкультурной коммуникации XVII — начала XX века. Новосибирск, 2008. С. 178–181.

печения контроля над культурно чуждыми перифериями. Вместе с тем документы из самоедских «канцелярий» отражают не столько фрагменты этнографической реальности, сколько систему взаимоотношений государственных служб и податного населения. Нередко административные решения и нововведения провоцировали этнические конфликты, а вводимые по аналогии с общероссийской системой управления механизмы воспринимались туземцами формально и срабатывали только на уровне сложившихся административно-личностных отношений.

Самый ранний документ из фондов ЯНО МВК — приказ старшине «Каменных самоедов» Пайволу Нырмину⁴ — датирован 5 января 1815 г. и подписан земским исправником Кочетовым (ЯНМ 14621). Он удостоверяет право старшины «наблюдать» и «приказывать на исторожайше», чтобы его ведения ясачные самоеды «старались безо всякой лености во время промыслу звериного упромышлять государственной ясак» и «привозить оный для отдачи в казну в Обдорскую крепосцу ежегодно без всякой недоимки». Самоеды должны были быть у своего старшины во «всяком послушании». Ему же следовало удерживать своих «родовичей» «от пьянства, и от других подобных сему поступок», а если кто-нибудь будет «привозить на продажу вино или другие пьяные напитки», таковых «ловить и присылать» к обдорскому земскому комиссару.

Приказ отдельного обдорского заседателя И. И. Решикова «Уральского хребта самоедскому старшине» Паеволу Нырмину от 10 октября 1829 г. (ЯНМ 14622/1, 2) — разъяснение указа Тобольской казенной палаты, последовавшего после «соотношения» с Кабинетом Его Императорского Величества. Документ уточняет технологию приема шкур у инородцев. Приказом, в частности, предписывалось наблюдать, (1) «чтобы на каждой шкуре был непременно ярлык и печать по родам... плательщиков»; (2) «чтобы не были связаны вместе разнородные звери как-то: лисицы и соболи или другие»; (3) «чтобы на каждом ярлыке было обозначено от кого именно рухлядь, и какой род, и когда... в какую цену принята, и чего стоит по оценке палаты с лапами и без оных». Местным чиновникам наказыва-

лось «внушать плательщикам» сдавать в ясак «лучшую рухлядь» и убеждать их, чтобы «преимущественнее вносили... в подать шкуры с хвостами и лапами, а без оных употребляли бы в продажу». К директивам присовокуплялась просьба, «чтобы рухлядь благовременно... была высылаема; ибо в случае позднего доставления... невозможно успеть шкур выделывать и перешивать в мехи».

Отдельную группу документов составляют выданные самоедским старшинам квитанции, свидетельствующие о сдаче ясака (1822) и выплате подушной подати (1824), о «разных сборах деньгами и звериными шкурами» (1822, 1827, 1829), о внесении «пушнины в ясак и за подворную гоньбу» (1855) и «ясака и повинностей» (1866) (ЯНМ 896, 898, 899/1, 4, 900, 14620, 14661). Четыре квитанции (1822, 1822, 1855, 1866) написаны от руки, две (1827, 1829) оформлены на специальных типографских бланках, одна (1824) выполнена от руки, но копирует типографский бланк; к одной из квитанций приложена печать обдорского князя Ивана Тайшина (1855). Подобная квитанция (1832), выданная на имя «Обдорской волости рода самоедов и остяков князя Матвея Тайшина», имеется также в фондах ТГИАМЗ (Тм кп 16508). В квитанциях на бланках, выполненных типографическим способом и от руки, наряду с цифровыми обозначениями количества сданной пушнины и вырученных за нее средств, использована традиционная для туземного населения форма записи чисел с помощью символов: I (1), I (5), ПНННШ или × (10), × (100), * (1000). Такая же запись чисел, по свидетельству Г. Старцева, применялась для фиксирования долгов или количества добытой рыбы и пушнины на деревянных бирках (хант. *юх-пас*).⁵ Система записи на бирках информации о разных государственных выплатах от лица родовых старшин сохранялась до середины 1930-х гг.⁶

Еще одна группа документов из ящика самоедского рода Нырминых — «Похвальные листы» (1848, 1850, 1851, 1858) (ЯНМ 894, 895, 9624, 14664). Три из них выполнены на специальных бланках, один — копирует печатные варианты и выполнен от руки. Благодарность инородцам Тымпаде (Тырыгину) Нырмину и Паеволу Нырмину объявлена за внесение в

⁴ Подробнее о Паеволу Нырмине см.: Лёзова С. В. Сибирские ненцы (самоеды) в середине XIX в.: диалог кочевников и чиновников // Древности Ямала. Вып. I. Екатеринбург; Салехард, 2000. С. 191–206.

⁵ См.: Старцев Г. Остяки. Социально-этнографический очерк. Свердловск, 1928. С. 43, 44.

⁶ См.: Перевалова Е. В. Указ. соч. С. 181.

Кабинет Его Императорского Величества чернобурных лисиц стоимостью от 25 до 28 руб.

Судя по перечисленным документам, в XIX в. главными функциями сибирских князцов и старшин оставались сбор государева ясака с подвластного населения и своевременная доставка его в города. Вместе с тем ясачная политика метрополии претерпела серьезные изменения, выражающиеся не только в регулировании количества и качества поступавшей мягкой рухляди, но и в формализации самого ясачного сбора. В период военно-данных отношений начала колонизации Сибири размер выплат не был жестко фиксированным, а пребывание князцов с ясаком в городах было сродни обычаю «гостевания» с обязательным угощением (в частности, вином) и «отдарками».⁷ К началу XIX в. сбор и доставка ясака становятся не обязанностью, а почетной миссией элиты. Для его учета разрабатываются специальные документы и понятная обеим сторонам система учета (квитанция) и записи (знаковое письмо). Вошедшее в традицию взаимоотношений центра и сибирской периферии персональное подношение князцами и старшинами дорогой рухляди русским государям отмечается в XIX в. со стороны метрополии и местной администрации особым документом — похвальным листом.

Следующий документ, датированный 27 ноября 1824 г. (ЯНМ 14623), свидетельствует о пожаловании старшине Паеволу Нырмину рода Харючи по ходатайству бывшего сибирского генерал-губернатора М. М. Сперанского от имени государя императора «за отличное усердие... к пользам казны» «на нарядный кафтан алого сукна пять аршин и позументу золотого двадцать пять аршин». Подобные дары, по-видимому, получили и другие самоедские старшины. Такой же документ, помеченный той же датой, на имя самоедского старшины Яура Удуллы рода Харючи сохранился в фондах ТГИАМЗ (Тм кп 16507).⁸ Тобольский губернатор Александр Михайлович Тургенев, получивший от управляющего Кабинетом Его Императорского Величества сукно и позумент, поспешил отправить монаршие дары старшинам, призывая их «почтиться» исправным

взносом ясака «и поощрением к тому прочим старшин». В фондовых собраниях ЯНО МВК сохранились кафтан и головной убор из алого сукна, вероятно принадлежавшие Паеволу Нырмину (ЯНМ 5, 12). Судя по покрою и исполнению швов сухожильной нитью, они шились уже в Обдорске в соответствии со статусом старшины и требованиями моды. Кафтан и шапка сходны с парадным облачением самоедских старшин с акварельных рисунков 1860-х гг. тобольского художника М. С. Знаменского (Тм кп Ги-291, 8154) и с фотографий второй половины XIX в. (ТГИАМЗ, Тм кп 15655; МАЭ, 106А-72). Кафтан представляет собой халат со сходящимися встык лапами, воротником-стойкой, с прямой проймой и длинными зауженными рукавами; воротник, полы, подол и края рукавов обшиты золотым позументом. Шапка — четырехклинный головной убор с высокой тульей, по краю тульи и швам также обшитый позументом.

Традиция выдачи русскими государями жалованных кафтанов сибирским князцам известна с XVIII в. Однако столь внимательное отношение к персоне Паевола Нырмина со стороны властей было обусловлено стремлением укрепить позиции самоедского лидера как главного старшины и уравнять его в статусе с остяцкими князьями Тайшиными, возглавлявшими остяков (хантов) и самоедов Обдорской волости со времени становления системы управления сибирскими народами. По Уставу «Об управлении инородцев» 1822 г. остяки и самоеды были причислены к разным разрядам с неодинаковым налоговым обложением: первые — к кочевым племенам (платившим ясак и подушную подать), вторые — к бродячим (платившим только ясак). На основании этого документа находящиеся в подчинении князей Тайшиных самоеды впервые получили право на самостоятельное управление, а главным старшиной самоедов был избран Пайвол Нырмин из рода Карачея (Харючи). Реформа, не учитывающая этнической специфики региона — исторически существующего противостояния между остяками и самоедами, спровоцировала конфликт между самоедскими старшинами и обдорским князем Матвеем Тайшиным. Однако ставка метрополии на самоедских лидеров не привела к ожидаемым результатам. Несмотря на высочайшее внимание и щедрые дары, приручение властного и строптивого самоедского старшины не увенчалось успехом. Уже в 1826 г. между старшиной

⁷ Словцов П. А. Историческое обозрение Сибири (1742–1823). СПб., 1844. Кн. 2. С. 90; Герасимов В. Н. Обдорск (исторический очерк). Тюмень, 1909. С. 61.

⁸ На оборотной стороне документа указано, что он передан «в дар Тобольскому музею от Статского Советника Владимира Имсена. 13 апреля в 1889 г.».

и местной властью вспыхнул конфликт, спровоцированный распространением известия о принудительном крещении самоедов и приездом в Обдорск штурмана императорского флота И. Иванова для составления карты арктических берегов Ямала. Только личное вмешательство тобольского губернатора Дмитрия Николаевича Бантыш-Каменского остановило массовое недовольство туземцев, грозившее вылиться в погром русских на зимней ярмарке в Обдорске. Во время разбирательства самоедский старшина был готов отказаться от причитавшегося ему красного кафтана. После смерти Пайвола (около 1828/1829) и восстания под руководством Ваули Пиеттомина самоеды вновь оказались под властью князей Тайшиных.⁹

Только в середине 1860-х гг. Москва, в конце концов признавшая отсутствие у самоедов своего родового управления политической ошибкой, приняла решение о создании в Обдорском крае двух самостоятельных инородческих управ — остяцкой, возглавляемой, как и прежде, князем Тайшиным, и самоедской, руководимой главным самоедским старшиной. Документ от 25 марта 1865 г. (ЯНМ 9729), подписанный обдорским отдельным заседателем К. А. Рымвид-Мицкевичем, вероятно, подготовлен специально по случаю избрания на должность главного самоедского старшины Обдорской волости внука Паевола Нырмина, также носившего имя Паевола. В документе перечисляются основные обязанности старшины: «знать всех в наличности твоих родовичей — самоедов как каменных, так и низовых сторон»; «собирать с них ясак назначенным количеством и в известное время... вносить в казну без утайки и недоимки»; «разбирать в точности жалобы или претензии между родовичами»; «иметь всегда наблюдения за благосостоянием самоедов, искореняя у них пьянство и излишество, а в случае незаконной продажи в кочевьях и тундрах вина, таковую продажу прекращать и местному земскому начальству доносить».

Указ от 23 ноября 1866 г. (ЯНМ 13469) на имя Павойла Нормина (Паевола Нырмина) отправлен из Тобольской духовной консистории. Архиепископ Тобольский и Сибирский

Варлаам предписывал, чтобы «князь остяков» и «особый князь самоедов», а также их «жены и дети и все сродство ни в один год не оставляли себя без освящения таинствами христовыми, подавая сами пример всем прочим крещеным инородцам», а «у всех тех, кои, приняв христианскую веру, продолжают еще идолопоклонствовать, всех идолов, каких бы они видов ни были, отбирали полицейскою властью» и «доносили, где и какие идолы взяты будут, для суда над самими истуканами». Документ отражает момент вынужденного перехода отдельных представителей самоедской элиты в православную веру. В условиях свободы вероисповедания сибирских инородцев, объявленной Уставом 1822 г., этот шаг мог быть вызван исключительно политическими мотивами — стремлением выйти из подчинения остяцкому князю и заручиться в этом вопросе поддержкой правительства.

Документы из ящика-ларца самоедского рода Худиных (ТГИАМЗ, Тм кп 13426/1–11) датируются 1854–1880 гг. Самый ранний документ из тобольской коллекции свидетельствует о крещении в феврале 1854 г. в Придворном соборе Зимнего Дворца в Санкт-Петербурге сорокалетнего самоеда Найона Худина, племянника самоедского старшины Таюндомы Худина (Тм кп 13426/7). В крещении бывший идолопоклонник получил имя Александр, восприемниками его выступали великий князь Михаил Николаевич и великая княгиня Ольга Николаевна Романовы. В марте того же года, согласно «Свидетельству», Александру Худину от имени государя императора был пожалован серебряный кортик с португеей (Тм кп 13426/10). Декабром 1854 г. датировано письмо старшины Обдорской волости Александра Худина (Тм кп 13426/1) о подношении своему крестному отцу великому князю Михаилу Николаевичу 400 горностаев. Февралем 1855 г. помечен ответ, написанный от имени великого князя (Тм кп 13426/2), в котором извещается о признательности за подарок и о благословении крестника образом Спасителя. Выданный в 1858 г. документ удостоверяет дарение Александру Худину серебряного кубка от имени генерал-губернатора Западной Сибири (Тм кп 13426/8). Среди бумаг «канцелярии» А. Худина находятся также два «Похвальных листа» (1858, 1864) на цветных бланках (Тм кп 13426/9, 11) за внесение в ясак чернобурых лисиц ценою в 27 и 42 руб. Девятым июля 1880 г. (Тм кп 13426/6) датирован

⁹ Подробнее о конфликте см.: Головнёв А. В. Кочевники тундры: ненцы и их фольклор. Екатеринбург, 2004. С. 50, 51; Лёзова С. В. Указ. соч. С. 195–197; Перевалова Е. В. Обдорские князья Тайшины (историко-этнографический очерк) // Древности Ямала. Вып. I. Екатеринбург; Салехард, 2000. С. 176, 177.

документ, свидетельствующий о передаче через зырянина И. С. Рочева в Контору двора великого князя Михаила Николаевича черной лисицы от А. Худина. В результате такого политически продуманного хода, как принятие православия, административные полномочия самоедского старшины оказались подкреплены личными связями с домом Романовых.

Кроме вышеперечисленных бумаг, в ларце самоеда Александра Михайловича Худина хранится «Билет» (Тм кп 13426/3) от 19 января 1859 г. об отлучке «на жительство в Архангельскую губернию сроком... на одиннадцать месяцев». И, пожалуй, один из самых любопытных документов — «Заверение», выданное лейтенантом Павлом Павловичем Крузенштерном 5 октября 1862 г. самоеду Худиной ватаги Хыйена (сыну А. Худина) (Тм кп 13426/5). Документ, скрепленный личной подписью, казенной печатью и печатью личного герба путешественника, свидетельствует о получении самоедом 31 руб. серебром за доставку от Белужьего носа до Обдорска половины команды разбившейся во льдах шхуны «Ермак».

Вместе с прочими бумагами у старшины Александра Худина находилось предписание тобольского гражданского губернатора А. И. Деспот-Зеновича от 10 января 1864 г. о строжайшем запрете укоренившегося обычая

«приносить подарки оленями, лисицами, песцами и другим пушным товаром своим князьям, старостам и волостным писарям» (Тм кп 13426/4).

Судя по представленным документам из «канцелярий» самоедских старшин, российско-самоедско-угорские отношения очень точно вписываются в охарактеризованную А. В. Головнёвым деятельностьную схему «орд-русской» традиции, немислимую без мощного центра и основанную на административно-налоговом промысле, которая реализовалась в создании иерархической структуры «малых копий» Москвы, в бюрократически централизованном управлении и в политически окрашенной христианизации.¹⁰ Механизмы имперского управления инородцами Северо-Западной Сибири вырабатывались на протяжении нескольких столетий и к XIX в. приобрели весьма любопытную форму административно-личностных взаимоотношений, что было вызвано геоисторической спецификой региона. Конструирование управления на периферии опиралось на индивидуализированные стратегии взаимодействия структур государственной власти с туземной элитой. В то же время ни административные решения сверху, ни персональный выбор отдельных представителей самодийско-угорской элиты не замещали традиционных устоев.

Ключевые слова: *Западная Сибирь, самоеды, остяки, туземная элита (князцы и старшины), российско-самоедско-угорские отношения, письменные документы, XIX в.*

CLAN "CHANCERIES" OF THE SAMOYED ELDERS (from the administrative practices of managing the aboriginal population of the North-West Siberia)

Some document complexes belonging to the illiterate aboriginal population of the North-West Siberia from the Siberian museums' collections represented a kind of the family-clan "chanceries". The cultural meanings vested in the written document could be different: for the metropolis it was an instrument of administration, for the aboriginal elite it was an attribute of power. The documents from the Samoyed elders' "chanceries" belonging to the period of M. M. Speransky's reforms demonstrated that the mechanisms of the imperial government over the Siberian non-Russians, which evolved over several hundreds of years, by the 19th century acquired the form of the administrative-personal relations. The governance structure at the periphery was based on the individualized interaction strategies between the government authorities and the aboriginal elite, which was dictated by the geo-historical specifics of the region.

Elena V. Perevalova

¹⁰ См.: Головнёв А. В. Северная перспектива в истории России // Социальные трансформации в российской истории. Екатеринбург; М., 2004. С. 476–485.